

Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции¹

Russian vocatives: lexicon and constructions

Янко Т. Е. (tanya_yanko@list.ru)

Институт языкознания РАН

Рассматриваются предпочтения и запреты, связанные с формированием обращений. Выделяются лексические единицы и словоформы с близкой семантикой, но различным вокативным потенциалом. Анализируются специальные вокативные конструкции русского языка.

В работах Э. Щеглова и А. Цвикки показано, что английские слова с близкими значениями *doctor* 'доктор' и *physician* 'врач' в роли обращений ведут себя по-разному. *Doctor!* — это «хорошее» обращение, а *Physician!* — «плохое» [Schegloff 1968; 1972; Zwicky 1974]. Это наблюдение полностью приложимо и к русским словам *доктор* и *врач*. Мы говорим *Доктор, я буду жить?*, но не *Врач, я буду жить?*. Совершенно аналогично, слова *водитель*, *шофер* и *таксист* в обращении к человеку, сидящему за рулем, обнаруживают различный вокативный потенциал. *Водитель!* — это «хорошее» обращение, а *Шофер!* и *Таксист!* — «плохие»: *Водитель! Откройте заднюю дверь!* vs. *Шофер! Остановите у светофора!*

Если в аудитории более одного слушающего, мы обращаемся к ней со словами *Друзья!*, *Коллеги!*, *Ребята!*, *Девочки!*, *Мальчишки!*, *Господа!*, *Офицеры!*, но не *Гости!*, *Соседи!*, *Родственники!*, *Студенты!*?. Однако чем друзья лучше родственников, а коллеги — соседей?

Почему слова, значение которых специально обозначает слушающего, то есть того, к кому мы обращаемся, например *радиослушатель* или *телезритель*, оказываются «плохими» обращениями? Дикторы радио и телевидения никогда не говорят *Радиослушатели!*, а только *Дорогие радиослушатели!* или *Уважаемые телезрители!*. От слов *радиослушатели*, *гости*, *соседи*, *телезрители* и других форма обращения обычно образуется с помощью прилагательных *дорогой* и *уважаемый*, даже если слушающий не всегда действительно дорог говорящему. Нам говорят *Уважаемые абоненты радиотрансляционной сети!*, *Дорогие гости!*, *Уважаемые пассажиры!*, а формы *Телезрители!*, *Зрители!* и *Гости!* как обращения не используются. Таким образом, обращения как иллокутивный акт вызывают много вопросов.

Данная статья посвящена некоторым словарным свойствам слов в связи с их способностью использоваться в функции обращений, а также способам получения «хороших» обращений из «плохих» и анализу специализированных вокативных конструкций русского языка.

1. Информация о вокативном потенциале слова в словаре

Способность использоваться в качестве обращений — это словарное свойство слов. Отчасти это свойство может быть объяснено социолингвистическими традициями использования слов *доктор*, *врач*, *таксист*, *водитель*, *гость*, *друг*, *сосед*, *офицер*, *зритель*, *пассажир* и других. Анонимный рецензент настоящей работы обратил наше внимание на то, что способность слов использоваться в роли обращений может быть связана с категорией вежливости, которая выражается в большинстве языков, но наиболее разработана в языках Юго-Восточной Азии. Категория вежливости влияет на использование слов не только в качестве обращений, но и на именование людей в их присутствии. Соответственно, лексические единицы делятся на «вежливые» и «невежливые». Русское слово *шофер* и подобные ему в русском и в других языках не используются в качестве обращений и описаний присутствующих при акте речи. Заметим, однако, что некоторые слова, например *студенты*, *ученики*, *зрители* и другие, могут использоваться в качестве описаний, и не только заглазных, но не в качестве обращений. Можно предположить, что существуют градации вежливости, которые ранжируют ситуации, связанные с исполь-

¹ Работа над темой финансируется Российским Государственным гуманитарным фондом, проект 09-04-00106а.

зованием имен. Кроме того, имеются не только социолингвистические, но собственно семантические признаки «хороших» обращений. Один из шагов в анализе семантики слов, которые используются как обращения, будет сделан ниже в разделе 2.2. Там рассматриваются именованья слушающего не по его постоянному или долговременному признаку, который выражен, скажем, существительным *таксист*, а по его актуальной роли в ситуации, ср.: *истец, дежурный, старший, встречающие мистера Питкина из Нью-Йорка*. Имена из второго класса имеют больший вокативный потенциал, чем имена из первого класса. Однако это не решает задачи классификации слов, потому что многие слова могут выражать как постоянный признак, так и актуальный. Так, *командующий* концептуализуется как выражение актуального признака, а *командир* и *главнокомандующий* могут выражать и постоянный (виртуальный) признак, и актуальный. Кроме того, некоторые имена, которые с семантической точки зрения выражают, казалось бы, актуальный признак, например *радиослушатели* или *телезрители*, получают в языке своего рода «виртуальную» концептуализацию, т. е. понимаются как постоянные признаки или индифферентны по этому параметру. Далее, слова могут начать в узусе свою собственную социолингвистическую жизнь, которая смещает семантические акценты, имеющиеся в толковании. Так, обозначения высокого места в социальной иерархии вследствие того, что говорящий по политическим соображениям склонен позиционировать слушающего как старшего, могут пополнить класс этикетных обращений, ср. такие имена, как *господин, батюшка, государь, шеф, начальник, командир*. Однако это не значит, что все имена со значением высокого социального статуса окажутся «хорошими» обращениями. Аналогично, по социолингвистическим причинам в качестве обращений закрепляются и многие слова со значением социального равенства между говорящим и слушающим, ср. *товарищ, коллега, земляк, подруга*. Таким образом, полностью решить задачу семантической классификации именованья слушающего и использования имени в функции обращения не удастся. Надежные семантические признаки «хорошего» обращения отсутствуют, поэтому информацию о вокативном потенциале конкретных слов следует приводить в словаре.

Кроме того, необходимо знать, какие обращения и в каких ситуациях следует использовать. Так, обращаясь с поздравлением, объявлением или тостом, мы можем сказать *Друзья!, Дорогие друзья!* и *Господа!*, но обратиться к аудитории со словами *Дорогие господа!* мы не можем. Это словарная особенность слова *господин*. Про некоторые обращения следует знать, что они используются только в начале официальной речи, например: *Офицеры, разрешите поздравить вас...!*; *Дамы и господа! Сегодня у нас замечательный день!*. Если же цель говоря-

щего состоит в том, чтобы только поддержать уже начатый контакт, обращения *офицеры и дамы и господа* будут выглядеть неуместно: *Позвольте, дамы и господа, на этом закончить?*; *Об этом мы поговорим на следующем заседании, офицеры!*. Между тем те же предложения, но с обращениями *господа* или *коллеги* звучат совершенно естественно: *Позвольте, господа, на этом закончить?*; *Об этом мы поговорим на следующем заседании, коллеги!*

Пометы в словаре должны иметь характер рекомендаций по использованию лексем в функции обращений и в определенном типе дискурса. Так, в современном городском общении женщины, собравшиеся в кружок во дворе, как правило, не называют друг друга соседками — скорее, здесь будут использованы обращения *Женщины!* или *Девочки!*, но в другом обществе или при стилизации под другой способ общения, например в переводе на русский язык рассказа о жизни грузинской деревни, обращение *Соседки!* окажется совершенно нормативным.

В словаре следует указывать и грамматическое число, в котором слова используются в качестве обращений, потому что в роли обращения слово может функционировать только в какой-нибудь одной форме, например только во множественном или только в единственном числе. *Друзья!* и *Господа!* — это обращения, которые можно использовать в очень широком круге различных ситуаций общения, а *Друз!* и *Господин!* — в единственном числе — могут использоваться только очень ограниченно. Мы не можем обратиться к незнакомцу со словами *Господин!* *Не подскажете ли, где тут метро?*, при том, что обращение *Господа!* *Посторонитесь, пожалуйста, у меня тут коляска с ребенком*, хоть и несколько старомодное, но все-таки не выходит за рамки нормы. И наоборот, *Профессор!* — это «хорошее», хоть и несколько устаревшее, обращение в академических кругах, а *Профессорá!* — нет. Между тем *Коллега!* и *Коллеги!* прекрасно звучат при обращении и к одному слушающему, и ко многим. Тем самым, обращаясь по-русски к профессорам, мы называем их *Коллеги!* и *Господа!*, но не *Профессорá!*. *Доктор!* — это тоже «хорошее» обращение, а *Докторá!* как обращение не используется.

2. Вокативные средства

Возникает вопрос: существуют ли способы получить «хорошие» обращения из «плохих»? И какие выражения функционируют только в функции обращений? К специальным «вокативизирующим» контекстам можно отнести следующие средства русского языка.

- Слова *уважаемый, многоуважаемый* и *дорогой*, как было показано выше;
- Междометие *эй!* (*Эй, пассажиры, вы куда?*);

- Местоимение *мой* (*Моя радость!*; *Рыбка моя!*; *Моя звездочка!*; *Горе мое!*);
- Использование уменьшительно-ласкательных и других суффиксов (*Дружок!*; *Дружочек!*; *Дружище!*²);
- Использование вокативной конструкции *Эй* плюс имя места, где находится слушающий (*Эй, на барже!*);
- Развернутая характеристика слушающего по его актуальной роли в конкретной ситуации (*Таксисты, обслуживающие центр города, зайдите в диспетчерскую!*; *Студенты третьего курса, экзамен по математике переносится на понедельник!*; *Пассажиры, находящиеся в первом и последнем вагоне! Будьте осторожны при выходе из поезда!*).

В связи с вокативизирующими лексемами *уважаемый*, *дорогой*, *мой* и суффиксами мы уже высказывались в работе [Янко 2008], поэтому ниже мы сосредоточимся на двух последних в этом списке типах вокативных контекстов, связанных с именованнием адресата по месту (подраздел 2.1 ниже) и по его актуальной роли в ситуации (подраздел 2.2).

2.1. Эй, на барже!: место слушающего как обращение к нему

Интересным средством образования обращений служит русская конструкция с междометием *Эй* плюс имя места, в котором находится слушающий, например, *Эй, на барже!*. Имя места может показаться неожиданным способом обращения к слушающему, но такой тип зова слушающего довольно часто используется в русской речи, например, когда говорящий видит, что на капитанском мостике кто-то есть, но он не знает или не видит кто именно. И тогда говорящий кричит: *Эй, на мостике!*. На первый взгляд можно предположить, что такие обращения принадлежат исключительно морскому языку. Действительно, около 70 процентов обращений с *Эй* плюс имя места, которые встретились нам в интернете, касались водной тематики. Вот некоторые примеры: *Эй, на барже! Кидай якорь!*; *Эй, на том берегу!*; *Эй, на Акуле!* — крикнул капитан; *Эй, на линкоре!*; *Эй, на острове!*; *Эй, на корабле!*; *Эй, на судне!*; *Эй, на шхуне!*; *Эй, на мостике!*; *Эй, на ледоколе!*; *Эй, на лодке!*; *Эй, на румбе!*; *Эй, на берегу!*; *Эй, на борту!*; *Эй, на палубе!*; *Эй, на шлюпке!*; *Эй, на буксире!*; *Эй, на катамаране!*; *Эй, на руле! Круче к ветру!*; *Эй, на «Беде», счастливого плаванья!*; *Эй, на буксире, прими конец!*; *Эй, на «Малыгине!»*; *Эй, на баркасе!*; *Эй, на желтой лодке!*; *Эй, на камбузе!*; *Эй, на мостике!*; *Эй, на плотике!*. Однако оказывается, что «сухо-

путные» обращения такого типа тоже встречаются: *Эй, на задней площадке, все оплатили проезд?*; *Эй, на верблюде!*; *Эй, на трибуне!*; *Эй, на узике!*. Значит, объяснять функции и особенности обращений по месту следует не принадлежностью к общению между собой морских волков, а особыми условиями, при которых используется обращение по месту.

Когда можно использовать обращение по месту? Почему *Эй, на трибуне!* — это «хорошее» обращение, а *Эй, в лесу!* и *Эй, в поле!* — «плохие»? Почему даже морская тематика не спасает обращение *Эй, на барже!*, если говорящий находится на другой барже? Почему, когда мы говорим *Иди вниз!*, низ понимается с точки зрения слушающего — здесь слушающий находится высоко и должен спуститься ниже (где находится говорящий, в данном случае неважно: он может быть и выше, и ниже, и на одном уровне со слушающим), а когда мы говорим *Эй, внизу!*, низ рассчитывается, наоборот, с точки зрения говорящего? И наконец, почему, когда мы слышим *Эй, на берегу!*, это значит, что говорящий находится на воде, а не с другой стороны, скажем, на шоссе, идущем вдоль берега?

Ответы на эти вопросы должен дать анализ обращения к слушающему в соответствии с тем местом, где он находится. Мы покажем, что обращения к слушающему по месту имеет более жесткие ограничения, чем другие способы локализации объекта в языке, т. е. вне иллокутивной силы обращения. Таким образом, перед нами встает задача показать, что такая периферийная конструкция русского языка, как обращение говорящего к адресату по месту, где он находится, представляет собой уникальный тип концептуализации пространства, воплощенный в языке.

Прежде всего, слушающий должен находиться в месте, которое легко выделяется в пространстве или в некоей системе ценностей. Параметр системы ценностей мы обсудим ниже, а для начала обратимся к каналу пространства. Идеальное место для слушающего, к которому можно обратиться со словами *Эй, на X-е!* — это лодка на водной глади, остров в океане, капитанский мостик, верхушка дерева на фоне неба, трибуна, сцена, вышка, при том что говорящий находится на известном удалении от этих точек, ср. понятия фигуры и фона, введенные в работе Л. Талми [Talmy 1978]. Фигура говорящего должна легко выделяться на общем фоне. Обращения *Эй, в поле!* и *Эй, в лесу!* «нехороши» потому, что в них отсутствует выделенная точка, противопоставленная местоположению говорящего. Поле и лес — это не точки в пространстве, а обширные просторы, на лоне которых адресат, скорее, затеряется, чем откроется взору говорящего. Заметим попутно, что другой — менее удобный и менее этикетный способ обращения — по шапке или по одежде — тоже основан на принципе легкого узнавания на общем однообразном фоне: *Эй, в шляпе!*; *Эй, в красной куртке!*

² Существительное *дружище* используется только как обращение. Другие аналогичные примеры читатель найдет в статье Даниэль (в печати).

Далее. Говорящий и слушающий должны находиться на объектах, противопоставленных друг другу в некоторой системе ценностей. Что здесь понимается под системой ценностей? Обратимся к примерам. Пусть говорящий едет в машине по шоссе, а слушающий стоит у дороги. Тогда говорящий может обратиться к слушающему со словами *Эй, на обочине!*, потому что дорога и обочина дороги принадлежат одной системе ценностей и представляют собой разные полюса одной системы. Адресат находится на точке пересечения края дороги с линией, соединяющей направление взора говорящего, устремленного на слушающего. Это хорошо видная точка. Если же говорящий вышел из леса и увидел слушающего, стоящего также на обочине дороги, он, скорее всего, обратится к нему со словами *Эй, у дороги!*, потому что кромке леса противопоставлена дорога, а не ее обочина. Обочина дороги противопоставлена не лесу, а прохожей или проезжей части дороги.

Приведем другие примеры. Мы говорим *Эй, на чердаке!*, если сами мы находимся в том же доме, скажем, на лестнице, ведущей на чердак. Если же мы сами находимся в другом доме или на улице, обращение к сидящим на чердаке другого дома *Эй, на чердаке!* оказывается неуместным. Здесь мы можем крикнуть (например, в громкоговоритель, как это бывает в детективных сериалах): *Эй, на вилле! Выходи по одному!*. Обращение *Эй, в доме!* здесь тоже не подойдет, потому что вокруг дома могут быть другие дома, следовательно, место слушающего не будет считаться выделенной точкой. Наша гипотеза состоит в том, что концептуализация дома в русском языке предусматривает нахождение дома в окружении других домов. Не будет удачным и обращение *Эй, на даче!*, потому что дача тоже концептуализуется как летний дом в кругу других таких же домов. Вилла же и хутор понимаются как центры достаточно большого незастроенного пространства, поэтому они больше подходят для обращения по месту, чем дома и дачи: *Эй, на хуторе!*. Хорошо подходят для обращений по месту строения, имеющие уникальные имена: *Эй, в «Приюте орла!»*; *Эй, в «Белом олене!»*; *Эй, в «Сороке и пне!»*. Однако это не могут быть названия слишком больших зданий, несоразмерных фигуре говорящего, который надеется докричаться до слушающего: обращения *Эй, в Кемпински!*, *Эй, в Хилтоне!* в прямом — не-метафорическом — значении невозможны.

Таким образом, именование говорящим слушающего зависит не только от того, где находится слушающий, но также и от того, где находится сам говорящий, а также от того, образуют ли место расположения говорящего и место расположения слушающего естественную систему, такую как дорога — обочина, край леса — дорога, идущая вдоль леса, трибуна — зал, чердак — пространство внутри дома под чердаком, водоем — берег. Именование слушающего без учета системы ценностей, в которую

встраивается его локализация, по-видимому, тоже возможно, но предпочтительны обращения, которые учитывают такие противопоставления. Очевидно, что учет взаимного расположения говорящего и слушающего накладывает на способ вербализации места слушающего больше ограничений, чем при выражении в языке места объекта безотносительно к расположению других объектов в пространстве.

Покажем теперь, что в обращении по месту точкой отсчета (или центром ориентации в пространстве) служит фигура говорящего и что при других типах вербализации места точкой отсчета могут быть другие объекты. Какой объект станет точкой отсчета — говорящий, слушающий или объект, названный в тексте? Когда мы говорим слушающему *Спускайся вниз!*, низ здесь понимается с точки зрения слушающего, а когда мы говорим *Пусть Вася идет домой*, здесь имеется в виду дом Васи, названного в тексте. В обращении же по месту точкой отсчета служит именно говорящий. Об этом говорят обращения *Эй, внизу!*; *Эй, наверху!*; *Эй, на том берегу!*, где низ, верх и противоположный берег отсчитываются от того места, на котором расположен говорящий.

И наконец, если говорящий и слушающий находятся на одноименных объектах, обращение по месту оказывается неуместным. Чисто теоретически говорящий, находящийся на барже, мог бы обратиться к слушающему со словами *Эй, на другой барже!* по аналогии с обращением *Эй, на том берегу!*, но реально такие обращения не встречаются.

Мы показали, что в обращениях по месту есть немало ограничений. Говорящий и слушающий должны располагаться на разноименных объектах, которые принадлежат одной системе ценностей, слушающий должен находиться в выделенной точке пространства, и точкой ориентации в этом пространстве должна служить фигура говорящего.

Последнее замечание, которое тут следует сделать, состоит в том, что если какое-либо из условий названия слушающего по месту не выполняется, добавление в обращение местоимений *ты* и *там* (*Эй ты, на дороге!*; *Эй там, в поле!*; *Эй ты, там на улице!*) восстанавливает соблюдение указанных условий, потому что превращает место расположения слушающего в противопоставленную и соразмерную фигуре говорящего выделенную точку, которая называется *там* (т.е. в том месте, которое противопоставлено месту говорящего), или понимается как место слушающего, который противопоставлен говорящему и называется *ты*.

2.2. Именование слушающего по его актуальной роли в ситуации как вокативное средство

И. И. Ковтунова в специальном разделе, посвященном поэтическим обращениям, книги по по-

этическому синтаксису выделила особый класс обращений-характеризаций, которые сочетают в себе одновременно номинативную и предикативную функции. В поэзии такие обращения утрачивают собственно вокативную функцию и используются для характеристики адресата речи [Ковтунова 1986: 108]: *Дуб богоборческий! В бою Всем корнем шествующий! Ивы-провидицы мои! Березы-девственницы!* (Цветаева); *Я посетил тебя, пленительная осень, не в дни веселья...* (Баратынский); *Испепеляющие годы! Безумья ль в вас, надежды ль весть?* (Блок). Можно заметить, что имена с характеристиками всегда служат «хорошими» обращениями.

2.2.1. Обращения-характеризации

Нетрудно также заметить, что обращения-характеризации, основанные на предикативности имени слушающего характеризующих признаков, широко используются не только в поэтической речи, но и в сугубо деловом жанре объявлений, как правило, письменных. Здесь развернутые определения в структуре обращений ограничивают и актуализируют круг лиц, которым адресованы объявления: *Студенты третьего курса, просьба после окончания сессии сдать зачетки в учебную часть; Ученики старших классов, вас приглашает на собеседование электромеханический колледж г. Москвы; Владельцы пластиковых карт Виза Аэрофлот, для вас объявляется акция «Весна в Юго-Восточной Азии»; Мастер транспортного цеха судостроительного участка, пройдите к пульту; Кто забыл в туалете бриллиантовое кольцо, обратитесь к бортпроводнику.* В тексте *Студенты третьего курса, просьба после окончания сессии сдать зачетки в учебную часть* содержится не только обращение к студентам, но им также приписывается принадлежность к некоторому более узкому классу, чем класс студентов вообще, и обладание некоторым актуальным признаком.

Если сравнить обращения без определений и обращения с определениями, а также другие обращения со сложной лексико-синтаксической структурой, можно заметить, что определения-характеризации служат мощным вокативизирующим контекстом: *Студенты, после третьей пары зайдите ко мне в кабинет vs. Студенты из тех, кто работает сейчас с информантами, зайдите ко мне в кабинет.* Аналитические именованные лиц (*учащиеся старших классов; тот, кто забыл кольцо; третьекурсники; таксист Иванов; кассир Сидоров*) преобразуют имена, характеризующиеся некоторым виртуальным специализированным признаком ('быть по профессии таксистом', 'быть студентом', 'быть врачом') в имена, которые характеризуют адресата по его актуальной роли в реальной ситуации (*быть студентом третьего курса; быть таксистом таксопарка, который обслуживает центр города, быть врачом-ординатором, проходящим практику на базе Первой Градской больницы*). Если

обращения *врач!, таксист!* и *студент!*, как было показано выше при постановке задачи, принадлежат к словарному классу «плохих» обращений, то определения-характеризации переводят их в «хорошие» обращения, именующие адресата по его актуальной роли в текущей ситуации. Имя роли адресата служит для обращения к нему.

2.2.2. Лексические единицы, служащие именами ролей

Развернутые характеристики это не единственное средство актуализации имени лица как исполнителя конкретной роли в ситуации. Существуют лексемы, которые концептуализуются именно как роли и вне контекста характеризующих определений. К ним относятся существительные *председатель, истец, ответчик, судья, свидетель, покупатель, начальник, абитуриент, соискатель, победитель, охрана*. Как актуальные роли в ситуации концептуализуются и существительные, которые по происхождению являются субстантивированными прилагательными и причастиями. Соответствующие концепты сохранили семантическую связь с категорией предикативности и отражением актуальной роли в ситуации, ср.: *верующие, больной и беременная* (в условиях лечебного учреждения), *рядовой, старший, дежурный, связной, вахтенный, заведующий, заключенный, потерпевший, осужденный, уполномоченный, раненый, нарочный, новобранцы, новорожденный, сопровождающий, встречающие, провожающие, отъезжающие, побежденный*. Такие существительные также служат источником «хороших» обращений: *Покупательница, возьмите сдачу!; Не сердись, начальник!; Больной, вам в другой кабинет!; Беременная, вы куда? (Этот пример нам сообщил И.А. Шаронов); Истец, передайте заявление адвокату; Соискатель, вам присуждается кандидатская степень; Дежурный, пройдите к пульту!; Охрана! На выход!; Провожающие, проверьте, не остались ли у вас билеты отъезжающих пассажиров.*

Итак, в связи с семантическим противопоставлением 'человек-носитель признака' vs. 'роль человека в ситуации' выделяется три класса имен со значением лица. 1) Большинство существительных могут обозначать как человека, обладающего (постоянным или долговременным) признаком, так и роль человека в конкретной ситуации. Это существительные *отец, командир, профессор, экзаменатор, солдат, генерал*. 2) Некоторые — немногочисленные — существительные могут обозначать только роль: *истец, заявитель, председательствующий*. 3) И наконец, к третьему типу относятся имена, преимущественно обозначающие человека-носителя постоянного (виртуального) признака: *врач, таксист, интеллигент*. Имена второго класса со значением актуальной роли, которую может играть некий анонимный адресат в некоторой конкретной ситуации, свободно используются в вокативной функции.

Границы классов нечетки: имена могут переходить из одного класса в другой. Регулярным средством перевода слова из первого и третьего класса во второй служат характеризующие определения.

Приведенная классификация может объяснить некоторые запреты и предпочтения, существующие при формировании обращений в русском языке. Так, можно предположить, что слово *водитель* принадлежит к классу «хороших» обращений, потому что обозначает водителя конкретной машины в определенной ситуации на дороге: водитель этот тот, кто сидит за рулем. Когда мы говорим *Водитель, откройте заднюю дверь!*, мы имеем в виду человека, который ведет конкретный трамвай. Между тем аналогичные обращения, использующие лексические единицы *шофер* и *таксист*, например *Шофер, остановите у светофора!*, не запрещены, но статистически маловероятны, потому что *шофер* и *таксист* выражают постоянный и узко специальный признак человека, а именно — его профессию, а не его роль в ситуации.

Объяснительная сила этой классификации велика. Она не охватывает всех запретов и предпочтений, потому что, как уже говорилось, под влиянием контекста слова могут переходить из одного класса в другой. Кроме того, классификация не учитывает социолингвистических факторов, которые в формировании обращений могут иметь решающее значение. И наконец, парадоксальным образом лексические единицы, онтологически выражающие временную функцию, такие как *телезритель* и *радиослушатель*, могут концептуализоваться в языке не как имена актуальных ролей, а как имена виртуальных признаков. По сочетаемостному поведению слов *телезритель* и *радиослушатель* можно предположить, что зрители, телезрители и радиослушатели понимаются не как те, кто в текущий момент времени смотрит на сцену, сидит у телеэкрана или вслушивается в звуки радиоприемника, а как люди, имеющие постоянные занятия и пристрастия, такие как смотреть телевизор, ходить в театр или слушать радио. Мы предполагаем, что зрители концептуа-

лизуются в языке как театралы, т. е. как люди, которые любят ходить в театр. Актеры говорят: *Наши зрители! Они любят наше искусство. Мы работаем для них.* Здесь зритель понимается как константа, а не как меняющаяся раз от разу аудитория. В этом сказывается общая концептуализация имени существительного как обозначающего постоянный признак или множество признаков. Этой проблеме посвящена большая литература, см. например работу [Рахилина 2000: 28] и цитированную там литературу. Исключениями из этого класса концептуализаций служат субстантивированные прилагательные и причастия, такие как *старший*, *дежурный* и *встречающие*, которые сохранили способность обозначать актуальный признак лица, а также некоторые исконные существительные, служащие только именами ролей, такие как *истец* и *соискатель* (ср. неудачные сочетания **краснощеккий истец*, **седоватый ответчик*, **худощавый соискатель*, которые говорят о том, что эти существительные обозначают не человека, а только его роль, ср., с другой стороны, нормативные сочетания *краснощеккий / седоватый / худощавый генерал*).

Итак, для объяснительных целей достоверно можно использовать только одну полученную здесь импликацию: если имя лица концептуализуется как роль, оно может функционировать в качестве обращения.

***

В данной работе были рассмотрены предпочтения и запреты, связанные с формированием обращений. Были выделены лексические единицы с близкой семантикой, но различным вокативным потенциалом, и рассмотрены специальные вокативные конструкции русского языка, которые используются при именовании адресата речи по месту, в котором он находится, и по его актуальной роли в конкретной ситуации.

Литература

1. Даниэль М. А. (в печати) Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез.
2. Ковтунова И. И. *Поэтический синтаксис*. М.: Наука, 1986.
3. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. Русские словари. 2000.
4. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М. ЯСК. 2008. С. 97–106.
5. Янко Т. Е. Просодия в толковом словаре и словарь уникальных просодий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные техно-
6. Schegloff, E. A. Notes on a conversational practice: formulating place // P. P. Giglioli (ed.) *Language and social context*, Harmondsworth: Penguin, 1972.
7. Schegloff, E. A. Sequencing in conversational openings // *American anthropologist* 70.6. 1968.
8. Talmy L. Figure and ground in complex sentences // Greenberg et al. (eds) / *universals of human language*. Stanford / Vol. 4. P. 625–649 /
9. Zwicky A. Hey, whatsyourname! // *Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1974.